

Как-то раз, проезжая деревню,
У избы, покосившейся вбок,
Я увидел, как серую тенью
На скамейке сидит мужичок.

Тормознул. Выхожу из машины.
Любопытно: что здесь за народ?
Над деревней весёлой картиной
Бирюзовый висел небосвод.

За забором, за хилым жилищем
Чуть виднелись бороздки земли.
Пёс ленивый, хозяин, как нищий,
На движенья смотрели мои.

Поздоровался:

— Что, одиноко?

Пёс оскалится зло на меня.

Мужик молвил:

— Однако, морока!

На село всё живём — пёс да я.

— Как живёте?

— Да так, бестолково.

— Хорошо здесь?

— Да то — как кому...

Настороженность, в общем, не нова,
Посторонний, чужой я ему.

Достаю свою добрую фляжку,
Мужику наливаю сто грамм.
Опрокинул без слова рюмашку
И рукой прикоснулся к губам.

— Без закуски?

— А что с неё толку?

Градус только в башке перебьёт!
Слава Богу, не все люди волки,
Хотя в целом зовёмся — народ...
Имя как твоё, добрый прохожий?

— С детства вроде Николой зовут.
Ну а вас как?

— Никитой, положим.

Только Бровкиным кличут все тут.

После водки он стал откровенней,
Настороженность тихо ушла.
— Загубили традиции коренья,
Русь гулящую девкой пошла.

Все в стремлении к жизни красивой
В города пошли счастье искать...
Пёс оскалится.

— Цыц, жук ленивый!

Что сейчас-то схватился рычать?!

— Ну а в тех вон холёных домишках

Живёт разве не сельский народ?

Сплюнул гег:

— Городские какие-то шишки.

В общем, целом... ну те, из господ.

— Объясни мне, отец: как случилось,
Что рассыпалось ваше село?

— Демократы подкинули милость,
За бесценок скупая зерно.

Зарубежное, думали, лучше.

Там планируют с семьями жить.

Этих умников розгами вздрючить,

Чтоб родное умели ценить!

Вон бутылку воды покупаю
И плачу двадцать-тридцать рублей.
Молочко же — о Мать Святая! —
Добывать многократно сложнее.
Сено косишь. Телёночка холишь...
А уход?.. А постылый навоз?!
Ежедневно!.. Как раб тот в неволе...
Развалили в итоге совхоз.

— Тяжело, если честно, всем ныне.
Еле дышат все сёла окрест.
Наше завтра запрягано в дыме
И на норд, и на зюйд, и на вест.

— Флотский, что ли?
— Да было такое!..
— Я ведь тоже... Ну, значит, свои!
В «автономке» — ни часу покоя...
— В море точно не праздные дни.

Мужик в рваной фуфайке и шапке,
Обращаясь к собаке в репьях,
Говорил о житье прошлом сладком
И о крепких крестьянских домах.

— Помнишь, Рыжий, как песни звенели,
Как гулял в час досуга народ?!..
Пёс хвостом шевелил еле-еле,
Лапы вытянув с мордой вперёд.

— Сколько лет? Век собачий корóток.
Сколько лет... Обнищало село.
Заросло всё. Пятнадцать вон соток
Нынче полное поле моё.
Хлеб растить никакого нет толка.
Для крестьянина это — беда!
Стала жизнь, словно та барахолка...
На полях разрослась лебеда.

— Ну а как же родные просторы?
Отчий дом? Мать — родная земля?!

— Ноне, милый, то всё разговоры.
Философия — хуже, чем тля!
В телик глянешь — смеются и пляшут.
То артисты... Ядрёна их мать!
Пусть попробуют долюшку нашу,
Хуже доли уже не сыскать.
А случись что с Отчизною нашей,
Всё опять повторится, как впредь:
Тот, кто сеет, кто жнёт и кто пашет,
Пойдёт земли России стеречь.
Ну а те, кто сейчас господами
Через губы плюют на народ,
Отгадуются, как пить, с потрохами,
Чтобы свой сохранить огорог.
Вон забор, словно пьянь, покосился.
Да на кой ляг мне это теперь?!
Смерть уж рядом...

Мужик покрестился.
Во дворе горько скрипнула дверь.

— Что себя загодя сам хоронишь?
— Так я знаю. Жизнь стала пустой.
Надоело, подобно вороне,
За желтеющей гнаться листвой.

На дворе тлела тёплая осень.
Пала долу, засохнув, трава.
Дерзкий ветер шумливо разносит
Наболевшие в сердце слова.

— Передай господам, вдоволь сытым:
Нет надежды, коль духом плебей!
Расколосось, рассохлось корыто,
Как в той сказке из пушкинских дней.
Пустота на полях, да и в душах.
Профуфукали... Боже ты мой!
Демон зависти истину рушит...
Ну а мне какво тут зимой?

Летом гачники, гости какие...
А зимой здесь совсем никого!
Снег. Сугробы да ветры лихие,
Как и Русь, заматают село.

— Дети есть?

— Ну а как же иначе?!

Трое их. Только в городе все.
На богатых с надеждой ищачат,
Заработать стараясь у.е.
Школы нет. А в итоге — нет смысла
Оставаться с семьёю в селе.
Значит, будущность наша зависла
Вместе с Бабой Ягой на метле.

— Знать, один круглый год бобылюешь?

— Знать, один. Хоть зовут: приезжай!

Душу только в рюкзак не спакуешь,
Ей родное село подавай!
Здесь родился, и здесь похоронят.
Здесь и детство, и юность прошли...

Мне почудилось: улица стонет,
Что осталась одна. Без души.

Ни коров, ни детей. Стала нищей
Деревенька — основа страны.
Оказалась она как бы лишней,
Не имея своей в том вины.

Кто поднимет, поставит на ноги
Наш затурканный сельский народ?
...У дороги стоит дом убогий,
И с собакой старик у ворот.

Грустный символ российской деревни,
Той, чем Русь была вечно сильна.
Разлетелись, разъехались семьи...
Нет семьи — грош народу цена!